

Дыхание Чжань Пинчуаня на миг замерло, а взгляд, как и следовало ожидать, потемнел, наполнившись необъяснимой глубиной.

Слово «поцелуй» таило в себе тончайший подтекст. Если представить отношения как череду хрупких преград, которые нужно кропотливо преодолевать одну за другой на пути к истинной близости, то поцелуй — это решающий рубеж. Это искра, способная в одно мгновение испепелить всё, что разделяет двоих.

Юноша медленно, словно кистью, обводил взглядом черты Ланса: от одухотворенных глаз до точеного, изящного носика — куда более аккуратного, чем у суровых обитателей Города Пустыни. Взор задержался на пухлых губах с четко очерченным изгибом и вновь вернулся к глазам — миндалевидным, с чуть приподнятыми уголками.

На фоне высокоранговых Пробуждённых Омега казался хрупким и беззащитным зверьком, нуждавшимся в опеке.

Он хорошо помнил, как ловко этот «зверек» орудовал кинжалом в подземелье, безжалостно расправляясь со Злобными налётчиками. Он был уверен: за этой мнимой слабостью скрывается клинок острее любого металла. В Лансе странным образом уживались противоречивые черты, и эта смесь невинности и скрытой угрозы делала его образ пугающе пленительным.

Объективно говоря, Ланс был ослепительно красив. В любом уголке мира он стал бы объектом страстной охоты для сотен Альф. И то, что Чжань Пинчуань проникся к нему симпатией, казалось вполне естественным.

Но было в этом чувстве нечто странное. Каждый раз, глядя на Омегу, Альфа ощущал, что его привязанность куда глубже, чем просто любовь с первого взгляда. Словно потребность защищать этого человека была заложена в нем на генетическом уровне, став привычкой еще до рождения.

Хотя он мог поклясться, что никогда не встречал Ланса прежде.

Чжань Пинчуань наконец перевел дух — глубоко и тяжело. Его кадык дернулся, а ладонь медленно скользнула по спине юноши к самой талии.

При первой встрече Омега выглядел болезненным и бледным: простая одежда, сдержанные манеры — типичный прилежный студент из бедной семьи. Но теперь, ощутив пальцами его поясницу, Пинчуань понял, что тот вовсе не так слаб, как кажется. Под тонкой тканью футболки скрывались не кости, а плотные, тренированные мышцы. Только человек, посвятивший годы суровым упражнениям, мог обладать таким телом — гибким и крепким, готовым к любым испытаниям боя.

Сжав ладонь, юноша сильным движением подхватил своего спутника и усадил его перед собой.

Собеседник, не ожидавший такой прыти, вздрогнул и инстинктивно вцепился в его руки, но сопротивляться не стал. В этот самый миг он почувствовал, как в системе духовного пространства пробудился Внешний бог. Существо пыталось рассмотреть происходящее его глазами, но очки мешали Ему. К великому разочарованию бога, каждый раз, когда человеческий мир подбрасывал нечто любопытное, канал связи затуманивался. Ворчливо отступив, Тварь вновь погрузилась в хаос дремоты.

Он перенес Ланса к письменному столу, которым они еще не успели воспользоваться. Стол был высоким: ноги Омеги повисли в воздухе, а штанины форменных брюк задрались, обнажая тонкую полоску бледной кожи над щиколоткой.

Теперь их глаза оказались на одном уровне.

В современном обществе понятие «метис» давно стерлось, людей различали лишь по происхождению. Но для Города Пустыни, где почти все были черноволосыми и кареглазыми, юноша с его рыже-коричневой шевелюрой, янтарными глазами и мягкими восточными чертами лица выглядел настоящим чужеземцем. Маленькие метисы всегда очаровательны, а кожа Ланса была на несколько тонов светлее, чем у любого местного жителя.

Раздвигая его колени и прижимая к краю стола, Пинчуань невольно залюбовался этим контрастом. Омега попытался было свести ноги, но, осознав тщетность усилий, просто расслабился. Как и Пинчуань чувствовал к нему необъяснимую тягу, так и Ланс ощущал к этому Альфе абсолютное, почти врожденное доверие. Этот человек ни при каких обстоятельствах не причинит ему вреда.

Успокаивающая информационная эссенция продолжала наполнять комнату. Поддавшись влиянию горького аромата горечавки, подопечный невольно обвил шею Чжань Пинчуаня руками.

Тот перехватил его запястье и вложил в его же ладонь длинные, доходящие до талии волосы.

— Будь умницей, — прошептал Альфа охрипшим от сдерживаемой страсти голосом. — Держи их сам.

В его тоне не осталось и следа от привычной иронии — лишь низкий, вибрирующий рокот, проникающий в самое сердце. Он почувствовал, как по ладоням пробежал электрический разряд. Омега прекрасно понимал, к чему ведет Пинчуань, и от этого осознания его дыхание участилось.

Влажный, прохладный воздух коснулся кожи, заставляя поры на воспаленной железе сузиться. Его затылок был полностью открыт для взора Пинчуаня — Альфа мог рассматривать его, изучать, смаковать.

Чжань Пинчуань не спешил касаться губами больного места. Она выглядела жалко: железа припухла добрых на пять миллиметров, а кожа вокруг покраснела. Находящееся внутри ядро, хранящее эссенцию, судорожно сокращалось от стресса.

Опустив глаза, Пинчуань коснулся её пальцами. Он вспомнил, как Ланс при их первой встрече сам потирал это место, и намеренно повторил этот жест, ведя подушечками пальцев по краю припухлости. Его горячее дыхание обжигало чувствительную кожу.

— Малыш, ты хоть понимаешь, что значит позволить Альфе поцеловать своё уязвимое место?

Он не знал. Он чувствовал лишь, как от этих ласковых, размеренных движений его собственная эссенция начинает закипать от возбуждения. Он подался вперед, прижимаясь грудью к Пинчуаню и уткнувшись подбородком в его плечо. Наклонив голову, юноша снова увидел две бирюзовые серьги в ухе Альфы.

— Не знаю.

Он намеренно задел кончиком носа покачивающиеся подвески, вдыхая густой аромат горечавки. Белому Фараону было чуждо чувство стыда, но в делах, касающихся отношений Альф и Омег, он действительно был дилетантом.

Пальцы Чжань Пинчуаня сантиметр за сантиметром приближались к центру воспаления. Остановившись на самом ядре, он почувствовал его пульсацию и жар кожи. Альфа слегка надавил, и Ланс тут же вздрогнул от резкой боли, ударившись носом об ушную кость Пинчуаня.

— Больно... Я боюсь боли.

Он и сам не понимал, почему признается в этом. В Обществе Чёрного Фонаря он считался одним из самых стойких. Годы борьбы с Внешним богом научили его терпеть что угодно. Это стало своего рода привычкой — как сдирать корку с раны: больно, но в этом скрыто странное, почти мазохистское удовлетворение.

Когда он призывал бога, чтобы убить Эрдифа, он знал, что расплата будет суровой, но не колебался ни секунды. Однако рядом с Пинчуанем он уже не в первый раз жаловался на боль, словно подсознательно ждал, что этот человек спасет его от мучений.

— Потерпи, маленький, — юноша похлопал его по спине, успокаивая, и чуть отодвинул волосы.
— Отек нужно разогнать.

Вообще-то для Омеги с истощенной железой лучшим лекарством была бы временная метка. Она не так глубока, как пожизненная, и оставляет лишь временный след Альфы. Но сегодня шея Ланса была слишком воспалена, и кусать ее было бы верхом жестокости. Даже если бы тот

не возражал, у Пинчуаня не поднялась бы рука.

Наконец Чжань Пинчуань склонил голову и прижался губами к воспалённому участку. Одновременно с этим поток эссенции горечавки нежно окутал изнуренное ядро.

На губах миллионы нервных окончаний — их прикосновение куда глубже, нежнее и интимнее, чем касание пальцев. В тот миг, когда Пинчуань поцеловал его, в голове Омеги всплыл этот сухой научный факт, а пальцы невольно впились в лопатки Альфы.

Пинчуань наносил едва ощутимые, порхающие поцелуи, покрывая всю область вокруг уплотнения.

— Маленькая рыжая лисичка... — шептал он. — Надо будет сводить тебя в кино на какой-нибудь криминальный триллер.

— А? — Его дыхание сбилось. Мысли о Внешнем боге, Сы Хунчэ и подземельях отступили. Все чувства сосредоточились в одной точке, откликаясь на это трепетное прикосновение.

— Чтобы ты знал, как коварен мир. Таких наивных и милых Омег, как ты, преступники обманывают в два счета. Никогда и никому не показывай свою шею. Слышишь?

Мальчик, подобно коту, которому чешут за ушком, не только не смутился, но и сам подставил шею под губы Альфы.

— И однокурснику Чжаню тоже нельзя?

Он спросил это с самым серьезным видом, хотя в глубине души знал: любой, кто посмеет посягнуть на Белого Фараона, скорее всего, будет кастрирован и скормлен рыбам гильдией Высокая Башня.

— Я — исключение. Я ведь Альфа исключительно благородный, чистый душой и обладающий стальным самоконтролем, — без тени смущения заявил Чжань Пинчуань.

Благодаря близости партнера боль начала утихать. Юноша не сдержал смешка и тихо пробормотал:

— Цитаты завязтого бабника.

— Хм? — Альфа игриво приподнял бровь, а затем вдруг захватил губами припухшую железу и слегка сжал её. — Непослушный мальчик.

— Ах!.. — Его тело выгнулось дугой, из горла вырвался долгий, протяжный стон.

Он закусил губу, пытаясь сдержать дыхание, и еще крепче обхватил Пинчуаня руками. Очки жалко сползли на кончик носа. Это было слишком остро. Он и представить не мог, что обычное давление вызовет такую странную, почти постыдную реакцию. Он уткнулся лицом в плечо Альфы, проклиная чувствительность своего тела, но не желая, чтобы Пинчуань прекращал.

Впрочем, сбежать он и не мог: Пинчуань с самого начала лишил его пути к отступлению. Видимо, это была общая черта всех Альф — какими бы дружелюбными они ни казались, в моменты страсти ими овладевало неудержимое желание власти.

Мотылёк Эжун, почувствовав, как изменился голос хозяина, высунулся из рукава. Он оскалился, готовый впитаться в любого, кто посмеет угрожать его господину. Он, несмотря на дрожь во всем теле, легонько щелкнул насекомое, отправляя его обратно в рукав.

Ошарашенный мотылек затих.

Пинчуань, в чьем голосе сквозило легкое коварство, снова слегка прикусил чувствительную плоть.

— Ну так что? Всё еще «цитаты бабника»?

В его тоне явно слышалась угроза, но Белый Фараон впервые в жизни позволил кому-то угрожать себе. Он проглотил готовое сорваться замечание и предпочел промолчать. Разумеется, за это юноша снова сомкнул челюсти — нежно, но ощутимо. Упругая плоть, подобно желе, сначала поддалась, а затем пружинисто вернулась на место, оставив ярко-красный след.

Он напрягся всем телом, его ноги непроизвольно обхватили бедра Пинчуаня, а всхлип утонул в плече Альфы.

«Этот маленький идиот... ему ведь только восемнадцать, но он весьма умен»

Ланс чувствовал, что еще один такой рывок — и он войдет в состояние течки прямо здесь, в этой иллюзии. Ему пришлось сдаться. Уткнувшись в плечо Чжань Пинчуаня, он с трудом выдавил:

— Нет... не надо... не кусай...

Пинчуань и сам боялся зайти слишком далеко. Словно зверь, вылизывающий свою пару, он бережно коснулся языком того места, которое только что терзал.

— Хороший мальчик.

Ланс почувствовал движение влажного и гибкого языка. Он слышал, что перед тем, как пометить Омегу, Альфы всегда смачивают железу слюной, выбирая самое нежное место для укуса. Его дыхание окончательно сбилось.

Но Чжань Пинчуань вскоре отстранился, продолжая лишь едва касаться шеи губами, словно просто утешая его. Альфе и самому было несладко: борьба с инстинктами заставляла каждую клетку его тела кричать от протеста. Глаза налились кровью, а по спине катился пот. Но в конечном итоге нежность победила жажду обладания. Он запечатлел последний, едва уловимый поцелуй и отстранился.

«Похоже, ингибиторы должны стать моей настольной книгой, — подумал Пинчуань. — Уколотся — и ты снова благочестивый монах. Удобно»

Под действием эссенции Альфы боль на его шее окончательно утихла. Юноша обессиленно прислонился к плечу партнера и мельком взглянул на часы.

Стрелка доползла до одиннадцати утра.

Любой, кто участвовал в покушении на Боласа и Клову, знал: именно в эту минуту их самолет должен был оторваться от взлетной полосы аэропорта Гантана. Он отвернулся и закрыл глаза. В прошлый раз спецрейс Синего Центра атаковали дважды, но безуспешно — позже выяснилось, что цели сменили самолет.

Сы Хунчэ, должно быть, очень надеялся, что прямо сейчас на борту того лайнера что-то произойдет. Что ж, его ждет разочарование.

Чжань Пинчуань тоже посмотрел на часы. Одиннадцать утра — время, заставляющее нервничать каждого, кто причастен к заговору. Самолет Боласа и Кловы взлетел.

«Неужели тот парень из Общества Чёрного Фонаря не догадался притащить ракетную установку и просто не сбил эту махину?»

Юноше очень хотелось проверить новости, но он боялся, что создатель иллюзии заподозрит неладное.

Он ткнул пальцем Пинчуаня в лопатку:

— Я устал. Хочу спать.

После столь долгого обмена эссенциями ему не хотелось отпускать партнера. Он надеялся, что

Альфа ляжет рядом.

— Спи, — ответил юноша. — А я схожу куплю тебе шаомай?

Пришло время обеда. После бесконечных циклов и лечения Ланс наверняка проголодался. Заданий у Пинчуаня не было, так что времени на очередь за едой должно было хватить.

Рыжеволосый юноша мгновенно напрягся. Неужели этот идиот так ничего и не понял? Омега крепко обхватил его за шею, а рассыпавшиеся длинные волосы укрыли спину Пинчуаня.

Он посмотрел на него затуманенными от усталости глазами и произнес фразу, бьющую в самую цель:

— Однокурсник Чжань, я хочу, чтобы ты остался со мной.

К вечеру туман рассеялся, и на горизонте показались очертания заходящего солнца. В мире иллюзий наступило одиннадцать утра — самолет взлетел без происшествий. Наступило три часа дня — он благополучно приземлился. В четыре часа Болас и Клова вошли в кампус. Следственный отряд Синего Центра объявил осадное положение, но до самого конца «миссии» на них так никто и не напал.

В служебном автомобиле под номером С.Р.1-002.001 Сы Хунчэ сидел мрачнее тучи. В его взгляде застыла холодная ярость. Через систему духовного пространства Оливера он видел, как первокурсники, вернувшись в аудиторию, устроили безумное празднество.

Кто-то, запершись в туалете, рыдал в трубку родителям, заявляя, что бросает учебу и больше никогда не сунется в подземелья. Кто-то ворвался в столовую и скупил всех жареных уток, а затем с упоением хрустел их головами. Кто-то ворвался в кабинет ректора и бессвязно требовал отменить все конкурсы, угрожая взорвать здание.

А одна парочка и вовсе уединилась в общежитии, бесстыдно и долго лаская друг друга железы.

Никого не волновала смерть Эрдифа, никому не было дела до приезда Боласа и Кловы. Как Синему Центру было плевать на Дэн Чжи, так и этим студентам, чудом избежавшим гибели, высокопоставленные чиновники казались ничем.

Кто убийца? Все вели себя безупречно, не оставляя ни единой зацепки. Вместо опасного преступника перед Сы Хунчэ разыгрывался фарс из нелепых драм.

Начальник второго района вышел из системы Оливера. Едва связь разорвалась, Оливер,

окончательно обессилев, рухнул на сиденье, прижавшись к окну. Но даже в таком состоянии он не смел прекратить действие своей способности. Его дыхание было едва заметным, взгляд — пустым, но, видя этот финал без крови, юноша впервые за долгое время ощутил слабую радость.

«Ты понял мои намеки. Ты оказался достаточно умен, чтобы спастись. Кто же ты? Пожалуйста... приди и убей меня быстрее»

В этот момент Сы Хунчэ холодно усмехнулся. Он медленно стянул кожаную перчатку и небрежным, почти скучающим тоном спросил:

— Что значат цифры 121, 242 и 363?

Лицо Оливера, и без того бледное, стало мертвенно-белым. Несмотря на то, что он сидел в герметичном внедорожнике, его забила крупная дрожь, словно его вышвырнули на ледяной ветер.

<http://bllate.org/book/15867/1439756>